

Дьячков Владимир Львович

"АНТОНОВЩИНА": АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ 2007 ГОДА

В статье цитируются фрагменты электронной переписки автора с Л. Г. Протасовым и В. В. Канищевым по ряду методологических вопросов на завершающем этапе подготовки сборника документов ""Антоновщина". Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг." (издание 2007 г.). Тогдашняя дискуссия, актуальная и ныне, затронула проблемы понимания синергизма факторов Гражданской войны в России, исторического места и характера "антоновщины" как ее части, определения социального бандитизма и остальной научной терминологии, а также соответствующей структуры сборника и его научного аппарата.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 27-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.323.72

Исторические науки и археология

В статье цитируются фрагменты электронной переписки автора с Л. Г. Протасовым и В. В. Канищевым по ряду методологических вопросов на завершающем этапе подготовки сборника документов «“Антоновщина”. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.» (издание 2007 г.). Тогдашняя дискуссия, актуальная и ныне, затронула проблемы понимания синергизма факторов Гражданской войны в России, исторического места и характера «антоновщины» как ее части, определения социального бандитизма и остальной научной терминологии, а также соответствующей структуры сборника и его научного аппарата.

Ключевые слова и фразы: сборник документов; синергетика; сельский мир; «внутренние» крестьянские источники; социальный бандитизм.

Дьячков Владимир Львович, к.и.н., доцент

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
mayortpr@mail.ru*

«АНТОНОВЩИНА»: АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ 2007 ГОДА

Летом 2007 г. мы – редколлегия и составители второго сборника документов по истории «антоновщины» – завершали подготовку этого издания. Собранный том [1], несомненно, получился много лучше книги 1994 года [3]: документов публиковалось кратко больше, поднялся уровень научного комментария и археографической обработки источников, в структуре сборника появились новые разделы, посвященные жизни А. С. Антонова и пути Тамбовской губернии к массовому крестьянскому восстанию, нашлось место и новым видам источников – крестьянским воспоминаниям и фотодокументам. Оставалось, исходя из высокого профессионального класса редакторов, предварить сборник достойным концептуальным введением. Дискуссия по его содержанию стала пиком моих тогдашних методологических разногласий с коллегами. Концептуальные **реальные тогда** предложения-споры разной для меня успешности шли все время подготовки сборника: я полагал (и ныне убежден), что в издании о **крестьянском** восстании должно быть принципиально больше свидетельств от самих крестьян, что составление важных приложений по данной теме, требующей обширнейших знаний, нельзя было поручать пусть и лучшим студентам и аспирантам «образца 2000-х», что нейтральный научный комментарий и примечания обязаны быть более обширными и детальными...

Но во введении от редакторов и составителей требовалось говорить с той методологической вершины, на которую лучшие тамбовские историки уже вззошли.

Главную роль в написании введения, с учетом мнения остальных редакторов, играл Л. Г. Протасов (огромность потери его для науки и спасительного общения растет для меня с каждым днем). Другим моим товарищем по спорам над сборником оказался В. В. Канищев, но если с ним у нас шли жаркие «коридорные» и телефонные разговоры, то с Л. Г. Протасовым я не только «сотрясал воздух», но «отписывал» свои претензии-предложения по электронной почте. Эти рукописи тоже не горят и предоставляются сегодня вам как (убежден) актуальное и (надеюсь) полезное чтение.

Минуло 10 лет тем спорам – приличный срок в «нормальное» время для прогресса историографии. Но за годы после выхода второго сборника по «антоновщине» и только из числа высококлассных отечественных «спецов» по революции 1917 года и Гражданской войне выбыли С. Н. Семанов, Ю. А. Поляков, Э. М. Щагин, С. А. Есиков, Л. Г. Протасов... Опустевшие «святые места» занимают в лучшем случае менее подготовленные историки. Общий историографический регресс по прежде самым развитым сегментам истории 1917-1922 гг. очевиден.

За прошедшие 10 лет мое видение истории революции 1917 года и Гражданской войны в России нашло отражение во многих индивидуальных и совместных (с Л. Г. Протасовым и В. В. Канищевым) публикациях. Но нынешний социокультурный кризис породил явные трудности «со слухом» и пониманием предлагаемого даже в профессиональной среде. Потому делаю еще попытку достучаться, предлагая часть наших споров 10-летней давности по «антоновской» проблематике.

Из письма Л. Г. Протасову, 4 июля 2007 г.

Сейчас перед нами, с нашими-то «командными» возможностями, – редкий шанс если и не «закрыть тему» восстания в концептуально-аналитическом отношении, то, по крайней мере, выступить через подбор документов и введение с комментариями с по-настоящему прорывным, новейшим, непротиворечивым осмыслением «микрокосма» антоновщины как неотъемлемой части космоса революции 1917 г. и Гражданской войны.

Прямо скажу, старался читать глазами стороннего, но осведомленного читателя, взявшего издание в руки с желанием раскритиковать. Это для того, чтобы потом перед подобными внешними критиками из научной и обывательской среды не оправдываться.

Главная «проблема» нашего введения – методологическая эклектичность; рассмотрение разных сторон исторически единого явления с использованием разнородных методологических парадигм, подходов. Мы не соблюдаем рассмотрения проблемы на стержне «синергетической иерархии факторов». У нас –

то синергетика с природными, экологическими и демографическими факторами, то инструментарий из политической доктрины марксизма вылезает, то модернизация, то вообще в романтическую апологию мятежников ведет. Это, в свою очередь, ведет к очевидному отрыву значительной части содержания введения от содержания блоков документов, которым и предпосылается введение. Более того, содержание целых блоков документов прямо противоречит многому из сказанного во введении или никак в нем не отражено. Очень многое из сказанного о восстании и его лидерах не имеет (и не может иметь) доказательств в предлагаемых документах. О многом очень важном, что содержат документы, в нашем введении не говорится. Также заявления в одной части введения прямо противоречат оценкам в его другой части (если прямо, то это наше введение в большинстве своем – ремикс введения к первому сборнику с некоторыми добавками из некоторых последних работ. Но большая часть того, что было во введении 1994 г., не годилось, по-моему, уже тогда и отражало больше нашу антибольшевистскую эйфорию конца 1980-х гг. с минимальным научным продвижением. Да об этом есть в данном введении).

Наверное, написать нам сейчас введение на едином методологическом стержне не так просто, да и некогда. Но что, по-моему, можно сейчас поправить? (вообще-то, практически все мои претензии относятся ко второй половине введения, когда речь доходит до собственно восстания и его характеристик. До того все очень даже прилично и на уровне).

1) Надо, чтобы значение используемых слов, стиль повествования соответствовал существу явлений, бывших в истории и отраженных в предлагаемых документах. Пока, к примеру, мы умудрились ни разу не сказать слово «бандит» о подлинных бандитах. Практически без исключения к стороне восстания применяется «высокий штиль» с включенной в слова-определениях положительной оценкой мятежа и мятежников, а большевистская сторона характеризуется словами с отрицательным значением. Совершенно невозможно в 2007 г. усваивать после прочтения введения, что «антоновцы» – выдающиеся борцы и герои, а «красные» – отбросы общества и маниакальные злодеи. От нечего делать предлагаю сплошной «контент-анализ» лексики, употребленной в характеристиках сторон (удален ради сокращения данного текста – В. Д.). Может быть, хоть это сдвинет непонятно на чем основанное упорство коллег и товарищей. Ведь слова не безобидны. За ними – концептуализация явления...

2) Надо бы нам хоть коротко ответить любознательному читателю на напрашивающийся вопрос типа: «Почему в нынешнем Ржаксинском районе было восстание, а в Староюрьевском не было?». Это можно сделать, не усложняя текста.

3) Надо бы нам развернуть положение о противостоянии и о разном отношении к восстанию и его активистам внутри деревни. Пока восстание, восставшие и сельская Тамбовщина, со всеми ее крестьянами, полностью накладываются друг на друга, а это неверно.

4) Наверное, можно было бы дать тезис о том, что крестьянский вариант «решения» аграрного вопроса (не говоря о способах его реализации), устройства отношений с государством-городом не могли быть приняты ни одним типом государства, ни одним режимом.

5) Надо бы дать наше понимание и развернутое определение бандитизма, его социально-политической разновидности, исторических особенностей «того» бандитизма, применить это определение к разным группам «наших» фигурантов с разных сторон. Банда, бандитизм, бандиты – нормальные, научные, четкие, строгие термины, и не нужно их стыдливо закавычивать. Получается странно – беспартийные, политически не ангажированные и «темные», но чуткие современники и свидетели других слов, кроме «ярые звери, бандиты», для наших «героев» почему-то не находили, а мы – ученые – величаем их «повстанцами», «борцами за подлинное народовластие».

6) Надо бы нам дать более основательный анализ содержания новых документов (в частности, воспоминаний).

7) Надо бы нам дать личные характеристики главных деятелей с красной стороны, а то обидно за настоящего хороших, идейных и умных людей. И герои-краснознаменцы ни в чем не виноваты и исторически правы. Если они не нравятся, то хотя бы доказать на документах, почему Плужников или Ишин лучше Уборевича с Антоновым-Овсеенко и Какурина.

Остальное – в моих репликах и предлагаемых поправках в тексте...

Данная «затравка», указание на «узкие места» черного варианта введения потребовала разъяснений по концептуальным вопросам причин, характера, географии и «кадров» «антоновщины».

Из письма Л. Г. Протасову, июль 2007 г.

«Внутренние» крестьянские источники (современные той поре свидетельства, воспоминания, материалы генеалогий и анкет и т.п.) настойчиво напоминают нам о синергетической иерархии факторов, обеспечивших конкретную многомерную историю российского села в первой трети XX в.

Если на верхних и порой поверхностных «этажах» крутились, сталкиваясь, и стучали вниз вожжи, партии, государственные механизмы, то глубоко под ними люди по-своему боролись за место «наверху», часто безотносительно страстей за пределами сельского мира. В содержании крестьянских по происхождению материалов по революции 1917 года и Гражданской войне как объект мысли, претензий и т.п. практически не присутствует какое-либо государство, нет ни единого слова о партиях (эсеры вообще нет, а коммунисты представлены конкретными людьми – не как организация), чаще всего (несмотря на последующее знание) не фигурируют производные от «Антонов» и не упоминается продрозверстка.

Что-то, конечно, можно объяснить малостью сегмента узкого горизонта индивидуального, часто детского или подросткового, зрения.

Но главное – не в этом.

Помня и учитывая то, с чем приходили в село город и государство, нельзя забывать и о самой яростной борьбе внутри локальных деревенских миров, с нарастанием ее остервенения с последних десятилетий царизма к пику Гражданской войны и последним «выхлопом» в коллективизации. Только рассматривать ее надо глубже уровня социально-классовой борьбы, проходя к объяснению эпидемии «обычного социального бандитизма» (У. Розенберг) и его психологии факторами социально-демографического и природно-демографического свойства, работавшими в конкретном историческом пространстве-времени.

О парадигме, причинно-следственной связи «аграрное перенаселение – массовый и индивидуальный стресс – рост массовой социальной и индивидуальной агрессии с формированием слоя соответствующих активистов – развитие убийственного социального конфликта – сброс демографического давления в системе за счет физического устранения из популяции значительной части плодородного населения» говорить не раз. О большевистской политике в селе как факторе «антоновщины» сказано в сотни раз больше. Не обижены подобревшим вниманием и выдающиеся бандиты. Тысячекратно констатировался район восстания (правда, указания на то, что «антоновщина» охватила Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский уезды, частично – Моршанский, Козловский и Усманский, слишком общи, а в сочетании с «глухим» и неряшливым географическим указателем могут и вовсе запутать).

Но почему (даже в широком указании) именно такой район? Он не совпадает с районами самого активного изъятия большевиками сельхозпродуктов и плохо соотносится с зонами неурожая 1920 г. Он не совпадает с зонами мобилизационных изъятий мужчин в РККА. Он не имеет прямого (да и другого) отношения к центрам эсеровской деятельности. Не «ложится» на конкретный район (районы, «пятна») восстания и социально-экономическая градация региона в смысле «кулацкого» фактора. «Яро бандитскими» сплошь и рядом были те села, в которых к 1920 г. толком не было не только подразверстки и армейских мобилизаций, но и какого-либо управления, кроме общинного гомеостаза, равно как и те, в которых государственные безобразия и насилие проявились в полной мере. Если мы повернемся к достаточно массовой просопографии активистов восстания, то и в такой выборке биографий также не разглядим ни общего имущественно-классового ядра, ни общего личного страдания от власти, ни дезертирской общности, ни идейно-романтического, «освободительного» стержня. Нет даже объединяющего рода занятий – земледелие как довоенный род занятий активного, достаточно заметного «антоновца» присутствует в весьма малом меньшинстве бандитских биографий.

Объединяющее начало, базовый фактор всех форм Гражданской войны, вспыхивавших в селе в первой трети XX в., сформировался на уровне конкретной социально-демографической и природно-демографической истории края и четко определил географическое ядро, «котел» сельских восстаний в Тамбовской губернии в 1917-1921 гг.

(В 1905-1907 гг. «ядра» были другие – Козловский уезд и др. – вытолкнули, сбросили в города активистов до 1917 г.)

В 17-18 вв. волнообразное, ритмичное, от рубежа к рубежу, дугообразное заселение края с общими вектором на юг и юго-восток шло тремя путями. Движение служилых русских по 1-му пути – по Иловаю, Воронежам, Челновой и Цне из рязанско-московских пределов с севера и немного из орловско-курских пределов с запада – заняло конец 16-го и 17-го веков и дошло до южного рубежа района Кузьминой Гати.

С самого конца 17-го и в течение 18 века «наталпываются» 2-й и 3- пути. По 2-му из рязанско-владимирских-нижегородских пределов к востоку от Цнинского леса по Керше, Ломовисам, Вороне, Караю, Ржаксе, Пандам, Савале шли служилые русские и татары и монастырские крестьяне.

В том же 18-м веке с запада, с Украины, от Белгорода и Орла на Битюг, Бурнак, Липовицу, Карян, на верхнюю Цну, на Савалу вплоть до Ржаксы, Панды и Вороны шли переводимые помещиками крепостные. Это был 3-й путь.

Тогда же в две волны первой четверти 18-го и конца 18-го – первой трети 19 веков из переполненных старых притамбовских служилых сел (особенно с рубежа Кузьминой Гати, под южный край Цнинского леса) возобновился «сброс» значительной доли молодых семей на берега тех же верхней Цны, Савалы, Ржаксы, Вороны и т.п.

Таким образом, к середине 19 в. образовался выгнутый на юго-восток эллипс района грядущих крестьянских восстаний. Стенки данного демографического «мешка», пополнявшегося через три горловины до запредельной набивки, с содержимым из смеси растущих владельческих и бывших служилых сел образовала условная кривая: Знаменка – Мордово – Жердевка – Терновка – Алабухи – Мучкап – Николино – Царевка – Умет – Пересыпкино – Рудовка – Кутли – Пахотный Угол – Нижнеспасское – Сухотинка – Знаменка. Чем ближе к центру этого «мешка» были те или иные села, а значит, чем меньшими были социально-географические возможности выбраться из него, тем более «яро бандитским» было в 1917-21 гг. население этих мест. В «антоновщине» в середине «мешка» находились районы Верхоценья, Пановых Кустов, Ржаксы, Богданово, Золотовки, Бондарей.

Социально-демографическим «мешком» очерченный район стал потому, что, когда с последней четверти 19 в. земледельческую популяцию прижал очередной (сильнейший и последний) подъем демографического давления, из него не оказалось сколько-нибудь широкого выхода, а только небольшие «дырки».

«Сбрасывать» лишних и активных дальше на юг и юго-восток оказалось невозможным – все уже было занято воронежской, саратовской и пензенской публикой. В дальнюю миграцию за пределы региона подняться могли очень немногие. Беда острейшего аграрного и растущего перенаселения пришла не только в наш «мешок», а ко всем крестьянам. Но у других был путь к спасению, были каналы, клапаны сброса демографического давления и всех его последствий. То были пути массового движения в мир крупных городов, в индустриально-городскую жизнь (эти открытые дороги к Липецку, Туле, Рязани и, главное, к Москве в значительной мере сняли давление аграрного перенаселения в западных, северо-западных и северных уездах Тамбовской и других губерний. К тому же градус агрессивной, стрессовой активности в аграрных популяциях этих районов в течение предшествовавших трех веков периодически понижался сбросами местных сельских «активистов» в города и в тот же «мешок»).

Ближние, но слишком маленькие Борисоглебск, Балашов, Кирсанов, Моршанск не могли принять даже малую долю из тех, кто рвался из углов нашего «мешка». Крупные Воронеж, Саратов, Пенза, Нижний Новгород были слишком далеко, и к тому же путь к ним преграждали плотные «воротники» из собственных перенаселенных сел. Спасительным пунктом назначения, как для десятков тысяч других «лишних» тамбовской деревни, мог стать Тамбов. Но, увы, губернский центр был также окружен 25-30-верстным плотнейшим «воротником» из старых служилых и частью бывших владельческих сел. Покрово-Пригородное и Арапово, Перикса, Бокино и Кузьмино-Гать, Новая Ляда, Столовое и Рассказово, Донское, Татаново и Горелое, Стрельцы, Пушкарки и Сабурово были первыми на очередь «в город». К тому же значительную часть дороги из «мятежного мешка» на Тамбов преграждала широкая полоса Цнинского леса, а через лес наши земледельцы отродясь не ходили.

Что же в итоге получилось? Наш «мешок» изначально наполнялся социально и генетически активным человеческим материалом. С ростом давления аграрного перенаселения стрессовая активность, агрессия росла и не находила ни демографического, ни социально-экономического, ни социокультурного выхода (сублимации). Огромное большинство молодого агрессивного населения перераспределялась, стремительно накапливаясь, внутри одного исторически сложившегося региона (то же происходило и в макро-системе России как неколонизальной империи. Подобные по происхождению, расположению и форме «мешки» вырываются и в «чапанной войне», в «вилочном мятеже», в мятеже Сапожкова, в западносибирском мятеже). Стрессовая агрессия подстигивалась конкретными и известными социально-экономическими, политическими, социокультурными обстоятельствами. Крайне малые возможности, предельно узкие каналы продуктивной, положительной сублимации массовой социальной и индивидуальной деревенской агрессии, активности переводили ее на дорогу к уголовной психопатологии, к социальному и просто бандитизму со всеми его отвратительными приемами. А мир городского и полугородского стресса подавал характерных вождей «крестьянской революции», «романтиков с большой дороги». В тех же воспоминаниях крестьянского происхождения разделительная линия социальной борьбы, ненависти проходит внутри сельского мира между его маргинальной, прямо бандитской частью и нормальными трудягами.

Еще одним подкреплением сказанного по поводу истории описанного демографического «мешка» является (отраженное в воспоминаниях И. Е. Макеева) распространение мятежа, бандитизма в ареалах социальности и генетики родственных сел, по точкам жителства отдаленных и более близких по историческому времени и расстоянию родственников от моршанско-пичаевских, бондарских пределов до Терновки, Алабух и Турок.

Частое использование мной термина «социальный бандитизм» обернулось предложением В. В. Канищева дать четкое, «словарное» определение этому явлению, «вызов» был принят.

Из письма В. В. Канищеву и Л. Г. Протасову, июль 2007 г.

БАНДИТИЗМ социальный – 1) (социально-историческое определение; от него истекают 2) – юридическое и 3) – бытовое) – форма повышенной социальной активности, агрессии; способ индивидуального и группового самоутверждения, маргинальной вертикальной социальной мобильности части молодого мужского населения (и малой части женского в российских социоестественных условиях, обеспечивших революцию 1917 года и тотальную Гражданскую войну).

Общей основой, источником **Б.с.** является ситуация ломки индивидуальных и групповых укладов жизни, жизненных ритмов, обеспечивающей состояние индивидуального и (или) массового стресса с последующим всплеском агрессии.

В социально-географическом отношении преимущественными историческими зонами развития **Б.с.** явились районы острейшего аграрного перенаселения и города, куда стекались потоки избыточного и наиболее активного, молодого сельского населения.

На индивидуальном уровне важнейшим стимулятором **Б.с.** являются существенные отклонения от нормы в структуре и психологическом состоянии семьи будущего бандита, психосексуальные комплексы детства, порожденные как особенностями семьи, так и собственными психофизическими недостатками. В этих случаях переход к **Б.с.** как образу действий становится способом вытеснения комплексов детства. По той же причине **Б.с.** имеет почти исключительно «мужское лицо».

Выбор **Б.с.** в качестве способа самоутверждения молодого человека обеспечивается недостатком индивидуальных способностей и социальных возможностей для реализации высокой активности, погашения агрессии на иных путях вертикальной социальной мобильности (гос. гражданская и военная служба, наука, искусство, спорт, предпринимательство и т.п.).

Психосексуальные и социокультурные основы Б.с. как канала самоутверждения, реализации мужской социальной агрессии определяют его способы и приемы, которые всегда предусматривают насилие с применением оружия как компенсации собственной физической и иной недостаточности. К таковым относятся все виды физического насилия и унижения, физического устранения другой личности: хулиганство, оскорбление действием, грабеж, разбой, уничтожение чужого имущества, изнасилование, искалечение, убийство. Те же индивидуальные психосексуальные и социокультурные основы Б.с. обеспечивают и проявляются в особой жестокости расправы над жертвой, в мучительстве и глумлении над ней. Б.с. теснейшим образом связан с алкоголизацией и наркотизацией его носителей, т.к. алкоголь и наркотики являются биохимическими средствами временного снятия или ослабления индивидуального стресса.

В периоды общего социального кризиса, ослабления и (или) крушения государства с его системами социального контроля и наказания за преступления против личности Б.с. от отдельных, индивидуальных проявлений разворачивается в массовое явление. В истории наших революций его основными зонами становились районы острейшего аграрного перенаселения, зоны сильнейшего демографического сжатия и города с повышенной концентрацией молодых сельских мигрантов. Имея единую социальную основу и будучи всеобщим явлением в переходную эпоху, Б.с. как образ мысли и действий в разной степени присутствовал на всех этапах социальной пирамиды, но особенно – в нижней части городских средних слоев, в остальных городских «низах» и в маргинализованной части крестьянства. В повстанческих формированиях психология и практика Б.с. была преобладающей уже на уровне среднего руководства и практически абсолютной на уровне рядового состава.

Начинаясь всегда как обычное уголовное преступление, но не имея оправдания в рамках существующей культуры, традиции, морали и права, Б.с. находит таковую санкцию в политических идеях и учениях, «как бы» оправдывающих образ мысли и действий своих носителей (левая социал-демократия, социал-революционизм, анархизм, черносотенство, фашизм, радикальный ислам и т.п.).

Б.с. как способ социального самоутверждения, вытеснения мужских психосексуальных комплексов направлен и прямо связан со стремлением к власти над людьми, достижения высших мест в социальной иерархии, получения «любви народа». Потому, организуясь усилиями своих лидеров, Б.с. в пору ослабления государства легко переходит в бандитизм политический, т.е. в борьбу отдельных бандитов и бандитских групп за власть собственными способами хотя бы в рамках своих регионов. С получением желаемого места в социальной, политической, сексуальной иерархии Б.с. в своем носителе гаснет.

Б.с., бандиты растворены в обществе, являются «возбужденными атомами» в его структуре и не представляют отграниченного социального слоя, группы с конструктивными интересами и программой. При этом действия каждого отдельного бандита всегда направлены на непосредственное личное половое, физическое, материальное самоутверждение. Поэтому Б.с. при любых его размахе и организации никогда и нигде не поднимается до уровня общественной и государственной пользы, всегда и везде являясь разрушительным для общества и государства, и потому всегда и везде требует скорейшего подавления и раскрытия конструктивных каналов реализации массовой социальной агрессии.

Вот так я говорил и писал друзьям и коллегам в 2007 г. и иногда слышал в ответ: «А у нас другое мнение!». Надеюсь, что и в условиях 2017 г. прозвучат аргументированные альтернативные точки зрения.

Список источников

1. «**Антоновщина**». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов: ЮЛИС, 2007. 800 с.
2. **Дьячков В. Л.** Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 128-141.
3. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина»:** документы и материалы. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.

ANTONOVSHCHINA: RELEVANCE OF METHODOLOGICAL DISPUTES OF 2007

D'yachkov Vladimir L'vovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
mayormp@mail.ru

In the article the fragments of the author's electronic correspondence with L. G. Protasov and V. V. Kanishchev on a number of methodological issues at the final stage of the preparation of the collection of documents «“Antonovshchina”. Peasant Rebellion in Tambov Region in 1920-1921» (edition of 2007) are cited. The presented discussion is relevant today as well, and it touches upon the problems of understanding synergism of the factors of the Civil War in Russia, the historic place and character of “Antonovshchina” as a part of it, issues of defining social banditry and the rest of the scientific terminology, and the corresponding structure of the collection and its scientific apparatus.

Key words and phrases: collection of documents; synergy; rural world; “inner” peasant sources; social banditry.